

ПЕРВЫЙ БОЙ

У ЧЕЛОВЕКА необстрелянно-го могут быть самые превратные представления о первом бое, в котором он участвует.

Мне кажется, что я магнит, что я притягиваю мины.

В этих правдивых строках Семена Гудзенко — преувеличенный, но понятный страх новичка, которому еще только предстоит стать солдатом.

В начальных кадрах «Баллады о солдате» танк с собачьей юркостью преследует героя, но догнать, как ни старается, не может. Критиком этот эпизод оказался неправдоподобным, он и в самом деле напоминает жуткий, полуфантастический сон. Но все дело в том, что на экране поединок с танком выглядит так, как он виделся молодому пехотинцу, которому впервые пришлось отбивать танковую атаку.

Герою нового рассказа Виктора Некрасова «Вторая ночь» («Новый мир», № 5, 1960) вскоре после того как он попал на фронт, пришлось впервые идти в разведку. «Ленька не мог вспомнить потом, сколько времени они проползли — час, два, а может, и всю ночь. Не мог вспомнить, и о чем он думал тогда, и было ли ему страшно. Полз и все — капитан впереди, он сзади. Сердце только сильно стучало, и он все боялся, что капитан услышит и выругает его потом, и поэтому сдерживал зачем-то дыхание — может, меньше стучать будет, но сердце все стучало и стучало и в груди, и в голове, и в руках, и в ногах — везде...»

Очень трудно в первом сражении: страшно погибнуть (это чувство особенно сильно, потому что еще не умеешь отличать подлинную опасность от кажущейся), страшно не выполнить свой долг и, наконец, страшно показать, что тебе страшно. И только поздний опыт, когда уж становишься, как говорится, бывалым солдатом, позволяет более или менее точно восстановить то, что происходило на самом деле.

Описать первый бой, эту внутреннюю скованность, лихорадочную смену чувств и мыслей, — не просто. Но В. Некрасова, когда он в последних своих рассказах неизменно изображает новичка, в первый раз оказавшегося под огнем, привлекает не только трудность задачи, — хотя вполне естественно, что художник невольно обращается к такому материалу действительности, к таким ситуациям, которые дают ему возможность в полной мере и с лучшей стороны проявить свой талант (ведь психологический анализ едва ли не самая сильная сторона дарования В. Некрасова). Все-таки суть не в этом, не в чисто художественной задаче. Другое послужило творческим стимулом для писателя.

Нельзя лучше проверить подлинность моральных ценностей, за которые сражается воин, идейный и нравственный потенциал воспитавшего его общества, чем последовав за солдатом, когда он впервые поднимается в атаку и

остается один на один со смертью. Если солдат защищает свое и правое дело, если он явился на линию огня с настоящим идейным и нравственным багажом, — он выдержит это суровое из суровых испытаний; его не сломит страх, он не озверевает от ужаса и крови, не потеряет человеческого облика. Если солдат не знает, во имя чего ему приходится воевать, если его обманом послали под пули, тогда происходит то, о чем рассказал Ремарк в своем романе «На Западном фронте без перемен»: «Они должны были бы помочь нам, восемнадцатилетним, войти в пору зрелости, в мир труда, долга, культуры и прогресса, стать посредниками между нами и нашим будущим... Признавая их авторитет, мы мысленно связывали с этим понятием знание жизни и дальновидность. Но как только мы увидели первого убитого, это убеждение развеялось в прах... Первый же артиллерийский обстрел раскрыл перед нами наше заблуждение, и под этим огнем рухнуло то мировоззрение, которое они нам прививали».

Вторая мировая война была не менее жестокой и кровопролитной, чем первая. Но советские люди знали, за что воевали, и поэтому никакие ужасы не могли сломить их. Этим людям, ненавидящим кровопролитие, глубоко мирным и по образу мыслей, и по привычкам, но верным своему гражданскому и солдатскому долгу, по-настоящему сильным духом, — этим людям и являлись свои рассказы В. Некрасова.

Как всегда, В. Некрасова интересуют будни войны — небольшие операции, которые в сводках Совинформбюро назывались «боями местного значения», повседневная, тяжелая и опасная, но, по существу, героическая солдатская работа. Пожалуй, никто так много, как В. Некрасов, не писал о том, что война — это не только атаки и отражение вражеских контратак, но и бесконечное рытье траншей, ночные броски и переходы, утомительные дни формирования — с рассвета до ночи изучение материальной части, строевая подготовка, ползание по-пластунски.

Как всегда, герои В. Некрасова — простые ребята, ничем особенно не выделяющиеся. Правда, у лейтенанта Ильина, героя рассказа «Судак» («Москва», № 2, 1958), чересчур уж штатская повадка: форма на нем сидит смешно, нескладно, и неловкость он испытывает от того, что солдаты перед ним вытягиваются, и гранату не может бросить как следует. Впрочем, мало ли было людей, так и не привыкших за годы войны к особому укладу армейской жизни, с облегчением сменивших в 1945 году военную форму на привычный штатский костюм, но честно выполнивших свой долг? Нет, лейтенант Ильин — фигура, часто встречающаяся на фронте. А уж Ленька Богорад — восемнадцатилетний солдат, о которых в армии добродушно-покровительствен-

но шутили: «Годен, не обучен». — этот милый, сохранивший детскую непосредственность паренек с веселым открытым лицом наверняка хорошо знаком многим.

Все это так. Но чем дальше читаешь рассказы В. Некрасова, тем яснее, что изображаемый им как будто бы частный случай — ну, конечно же, не просто история штурма высоты 103.2. Здесь раскрываются важные закономерности нашей жизни: прежде всего героика будней. А обыкновенные, ничем не примечательные ребята незаметно для читателя (в этом особенность манеры В. Некрасова: ему не свойственна какая-либо искусственная драматизация) вырастают в настоящих героев.

Героизм — не врожденное бесстрашие, не просто рекорд физической выносливости. Героизм — категория нравственная. Подвиг совершает лишь тот, кто идейно и морально подготовлен и благородному самоотречению. И эта нравственная высота советского человека — самое главное в духовном облике героев В. Некрасова.

Случилось, что первая боевая операция, которую поручили лейтенанту Ильину, — крепкий орешек. После получения приказа обстановка усложнилась, и даже опытному офицеру здесь нелегко было бы найти верное решение. Для Ильина все осложнялось еще тем, что комбат мечтал при первом же удобном случае избавиться от этого офицера с несправимо штатскими привычками. Провести бесполезную операцию, чтобы не вызвать гнев комбата, — в конце концов приказ есть приказ? Или, рискуя, действовать самостоятельно, и, если не помешает непредвиденное обстоятельство (а сколько на войне таких «если»), добиться успеха? Как быть? «Самое трудное на фронте, — пишет В. Некрасов, — принять решение, иными словами, взять на себя ответственность за все последующие события, за то, что люди, судьба которых в твоих руках, если даже и погибнут, то погибнут, выполняя задачу, в правильности которой ты, во всяком случае ты, абсолютно уверен. Да, это и есть самое трудное на войне — принять решение, а приняв, твердо выполнять».

Мы иногда говорим о человеке: «С ним я бы пошел в разведку», — определяя так высшую степень верности: значит, человек этот не бросит тебя, как бы трудно и страшно ни было, значит, как и ты, выполнит свой долг. «С этим парнем можно идти в разведку», — так судят о человеке и некоторые герои литературы «потерянного поколения». Но у лейтенанта Ильина мера ответственности другая, куда более высокая и гуманная: не только за друга, с которым вместе лежал под пулями, — а, как писал А. Твардовский:

Нынче мы в ответе
За Россию, за народ
И за все на свете.

Это чувство личной ответственности за то, что происходит рядом и за много километров от тебя, о чем узнаешь только из газет, и есть та черта советского характера, что была воспитана нашей партией.

Это чувство ответственности выражается в рассказе «Вторая ночь» и в том, что Ленька Богорад не дрогнул, когда ему в первой разведке пришлось один на один, без оружия, схватиться с немцем, потому что он не забыл «повешенных немцами партизан, пять человек, и среди них девушка, совсем молоденькая девушка, лет семнадцати-восемнадцати, не больше». Это чувство выражается и в том, что его, не очень разбиравшегося в тонкостях этики и политики, покорило от шуточек, с которыми капитан Орлик рассматривал фотографии задущенного Ленькой немца. В самом обычном паренке, воспитанном новым обществом, жило это чувство личной ответственности «за все на свете» — за исход войны и за то, чтобы в самых жестоких сражениях мы не захмелели от крови, не утратили человечности.

Писать сейчас о войне трудно: очень велика опасность повториться. В. Некрасову, вероятно, особенно трудно. Он автор выдержавшей испытание временем книги «В окопах Сталинграда». Он должен соперничать с самим собой. Но настоящее искусство и рождается только когда трудно. Новые рассказы В. Некрасова имеют полное право находиться под одним переплетом с повестью «В окопах Сталинграда»: они дополняют и расширяют картину войны, нарисованную в этой повести. Здесь свою роль сыграло и то обстоятельство, что за годы, отделяющие повесть «В окопах Сталинграда» от последних рассказов В. Некрасова, напечатано немало хороших книг о подвиге советского народа в дни войны. И, быть может, рассказы Виктора Некрасова, о которых мы пишем, в свою очередь будут одной из причин появления в будущем новых хороших книг о войне. Ведь литературный процесс — это цепная реакция: хорошие книги рожают хорошие.

Л. ЛАЗАРЕВ

ВОЛК ПРИВЫК С РАЗБОРОМ»

ВОТВЕТСТВЕННЫХ ВЗРОСЛЫХ ЛЮДЯХ

ВАРУЗДИН

статочно научиться кое-как рифмовать и придерживаться определенного размера — и можно писать стихи для малышей:

Там внизу у желтой мели
Брызги кверху полетели,
От десятков ног и рук
Закипела речка вдруг.
Тут и Маша,

тут и Ваня,

Ната наша,
наша Аня,
А малыш Сережа где?

Это — отрывок из книги И. Востокова «Летом» (Горьковское книжное издательство, 1959 г.), 100 тысяч экземпляров!

Внешнее описание, голый пересказ событий — таковы основные признаки этих и многих других подобных, с позволения сказать, стихов для малышей. Но в этих стихах нет не только признаков поэзии, — нет в них и примет времени.

Попробуйте, к примеру, догадаться, в каком веке написаны такие строки:

Звездочки моргают,
Сонно вниз глядят.
Глазки закрывают —
Тоже спать хотят.
Это — о звездах.
А вот — о солнце:
Солнышко устало,
Хочет на покой.

Сии стихи — творение нашего современника (И. Тифлова «Что мне маме подарить?» в Мордовское книжное издательство выпустило их в 1959 году тиражом 50 тысяч экземпляров).

Еще большим тиражом (75 тысяч) распространены мордовские издательские книжки Алексея Михайлова «Про зайчат и волчат», об уровне которой говорят хотя бы такие взятые наугад «поэтические» строки: «Вой несется без умолку», «Вот зайчата в детский сад собрались, как на парад», «Мы в гимнастике сильны, нам болчата не страшны», «Не помыты нос и ушки, фу! поганые зверюшки!»

Молока опять напьется.
Он умоет лапкой рот
И из плошки вновь попьет.
Кончил пить — и снова на бок...
Оттого-то он и гладок!

Оставим на совести автора формальное поэтическое качество этого произведения. Но хочется спросить: для чего написаны эти стихи? Что хотел автор сказать этим стихотворением? Хорошо или плохо то, о чем повествуется в стихах? Для чего, наконец, эти стихи изданы Башкирским книжным издательством вместе с другими подобными по своим достоинствам стихами, составившими «Серезину книжку» Василия Трубицына?

Такой же вопрос можно задать и Чечено-Ингушскому издательству, выпустившему убогую книжку В. Плахуты «Медвежата-артисты» (тираж 25 тысяч!), и Иркутскому книжному издательству, обнародовавшему слабые «Маринкины стихи» Виктора Киселева (тираж 35 тысяч!)...

О мнимой современности

Мы немало говорим и пишем о значении современной темы в литературе. Быть ближе к современности — такова задача и литераторов, пишущих для детей.

Среди множества книг для малышей, изданных в последние годы, есть такие, которые, на первый взгляд, прямо-таки обращены в сегодняшний день. Это — книжки о жизни самих ребят, об их делах и помощи взрослым, о труде старших.

Однако, знакомясь с многими такими книжками, приходишь порой к малоутешительным выводам: уж очень примитивны и поверхностны авторские попытки рассказать маленьким читателям о жизни, делах и людях, их окружающих.

(Окончание на 4-й стр.)